

Рассказы о зимующих птицах известных детских авторов

Ю. Дмитриев «Снегирь»

Ты знаешь, многие птицы с наступлением холодов улетают на юг. А есть и такие, что прилетают к нам только зимой. И называются они «снегири», потому что появляются у нас вместе со снегом. Что за странное желание — жить у нас зимой, когда здесь холодно и все птицы уже давно на юге? Но дело в том, что наши леса для снегирей уже «тёплые края»: летом они живут гораздо севернее, там, где очень сильные морозы.

Узнать снегирей легко. Их красные грудки, голубовато-серые спинки, чёрные бархатные шапочки и крылья хорошо заметны на фоне белого снега. Снегири — птицы солидные. Не торопясь, перелетают они небольшими стайками с дерева на дерево, вежливо уступая самкам (которые окрашены так же, лишь грудь буровато-серого цвета) лучшие грозди рябины.

Когда зазвенит песня зяблика, снегири уже будут далеко на севере — на родине. Совьют там гнёзда, выведут и вскормят птенцов. А поздней осенью или в начале зимы снова раздастся их низкий звонкий посвист: «Жю- жю... жю... — мы прибыли!» Добро пожаловать! У нас в лесу всегда рады гостям.

Г. Скребицкий и В. Чаплина «Чем дятел зимой кормится»

А пришла зима, холодно стало. Далеко попрятались все насекомые. Чем же дятел зимой кормится? Погляди: на снегу под деревом много-много сосновых шишек валяется. А что это за дерево? Это дуб, а не сосна. Откуда же под ним сосновые шишки взялись? Вдруг подлетел к дубу дятел; в клюве шишку держит. Всунул ее в расщелину дерева и начал клювом долбить. Раздолбил, семена выбрал и за другой полетел. Принес другую, в расщелину вставил, а старую шишку вытолкнул. Вот отчего целая куча шишек под деревом валяется. Это дятел зимою их семенами кормится.

Н. Плавильщиков «Не видевши, не поверишь»

От мороза деревья трещат, а на елке — гнездо, а в гнезде птичка сидит и яички греет. Эта храбрая птица — клест.

Все птицы вьют гнезда весной. У клестов свои порядки. Они выводят птенцов, когда много еды. Зима, весна, лето — им все равно. Было бы сытно.

Клестовая еда — семена из еловых и сосновых шишек. Шишки висят на дереве весь год. Клестам хватит еды и зимой, есть чем прокормить птенцов. В гнезде тепло. Клестиха не улетает из гнезда, корм ей приносит самец. Выведутся птенчики, и тогда мать сидит в гнезде, греет голых птенцов, да и сама от них греется.

Где много шишек, там много и клестов. Мало шишек — нет и клестов, им нечего делать в таком лесу: еды нет. Носы у клестов особенные — крестиком. Таким носом очень удобно выковыривать семена из шишек.

Хочешь увидеть клеста — ищи его в еловом лесу. Да не понизу смотри, а гляди на верхушки елок. Увидишь — там высоко-высоко, возле шишек, птицы по веткам лазают, возле шишек, птицы по веткам лазают, вниз головой висят — вот они, клесты! А прислушаешься — услышишь: «кле-кле-кле». Это клесты перекликаются.

В. Бианки «Стая птиц под снегом»

Скакал заяц по болоту. С кочки на кочку, с кочки на кочку, да — бух! — сорвался и в снег по самые уши. И чувствует косой: под ногами у него живое что-то шевелится. В ту же минуту из-под снега кругом него с громким хлопаньем крыльев пошли вырываться белые куропатки. До смерти перепуганный заяц кинулся назад в лес.

Оказалось — целая стая белых куропаток живёт в снегу на болоте. Днём они вылетают, ходят по болоту, клюкву выкапывают. Поклюют — и опять в снег. Там им тепло и безопасно. Кто их под снегом заметит?

И. Полуянов «Гвоздик»

Лес в дрёме по-зимнему спит, заколдованный стужей и снегами. И веет от него светлой печалью и покоем... Улетели лебеди далеко-далеко. И могучие орланы — великаны птичьего мира — покинули скалы и сухостойные сосны, откуда подкарауливали добычу. Ни крылья не прошелестят, ничей звонкий голос не нарушит зимней дрёмы...

Но остались с нами корольки! Королёк — малютка, весь-то со стрекозу, да хвойные ели ему дом родной. Бесшумно перепархивает королёк по веткам, словно с этажа на этаж. Теревит висячий мох, отколупывает чешую с сучьев, и жёлтые пёрышки на голове его как золотая корона.

Неугомонен, деятелен королёк — неспроста он прозван в народе «гвоздиком». Подлинно гвоздит: для всякой щёлки, куда бы ни спрятались мошки и паучки на зиму. По миллиону вредителей леса уничтожает он в год. Ветер сдувает королька с вершин елей, снегом засыпает пурга, пробирает насквозь мороз... Не сдаётся упрямый, несёт вахту в хвойном море лесов.

Виталий Бианки «Кусок хлеба»

На мусорную кучу зимой только сытый не летит. Но сытых зимой мало. Всё видят голодные птичьи глаза. Чуткие уши всё слышат. Думаете, раз птичьи уши не заметны, то они и не чутки? Как бы не так! Тихо скрипнет дверь — а птицы слышат. Хозяйка выплеснет из ведра помой — сразу увидят. Уйдёт — они тут как тут. Они — это вороны, галки, сороки и сойки. Птицы смыслёные, осторожные, хитрые. Человека они знают и знают, когда его надо бояться. Больше всего они любят тех, кто не обращает на них внимания. Но внимание на них трудно не обратить.

Вороны прилетают, шумя отсыревшими крыльями, и забавно моргают, мелькая белым веком. Будто закатывают глаза от удовольствия. У сорок на чёрных бархатных спинках искрятся снежинки. А хвосты и крылья будто покрашены нефтью: отливают зелёным, лиловым и жёлтым.

Чёрные галки — в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые. Сойка наряднее всех: рыжий хохол, на крыле голубое — как рябь на воде. Ладная, ловкая. Полный рот набьёт, даже горло раздуется. И скорее в лес: по углам рассовать. Рассуёт и снова летит. Страшно, а летит. От страха даже рот открывает и хохол поднимает дыбом. Даже бормочет что-то под нос. Но голод ещё страшней.

Голод пригнал галку-инвалида. Какой-то охотник отстрелил ей нижнюю половинку клюва. Ни клюнуть, ни взять, ни почистить перья. Села, странно тонконосая, взъерошенная, отощавшая, с перьями-сосульками на брюшке. Будь что будет. Положила головку на снег и боком-боком уцепила кусок. Кусок — день жизни. Будет ли он и завтра? Видимо и невидимо птицы вокруг жилья.

Стукнула дверь: друг или враг? С ведром или с ружьём? Лучше бы спрятаться, да надо лететь. На мусорную кучу только сытый зимой не летит. А сытых зимой мало.

Добрая девочка

Стояла суровая зима. Всё было покрыто снегом. Тяжело пришлось от этого воробушкам. Бедняжки нигде не могли найти корма. Летали воробышки вокруг дома и жалобно чирикали.

Пожалела воробышков добрая девочка Маша. Она стала собирать хлебные крошки, и каждый день сыпала их у своего крылечка. Воробышки прилетели на корм и скоро перестали бояться Маши. Так добрая девочка прокормила бедных птичек до самой весны.

Синицы

Без синиц зимний лес кажется мёртвым. Только сосновая ветка заскрипит да снежная шапка обрушится с ёлки. Но как налетит стайка синиц, лес оживает. Синицы с писком, с пиканьем перелетают с ветки на ветку, с дерева на дерево — осматривают каждую трещинку в коре: нет ли древесного семечка, не притаился ли где уснувший жучок. Каких только нет синиц в стайке: и лазоревки, и московки, и гренадёрки с полосатыми хохолками на голове...

Летом весь лес звенит птичьими голосами, и синиц не видно и не слышно с их скромной песенкой. Но синицы не улетают на зиму в тёплые страны и звонко перекликаются в зимнем лесу.

В лютую стужу синицы прилетают к избам, и ребята сыплют для них зерно или кладут кусочки хлеба в кормушки, — помогают выжить голодным птицам в зимнем лесу.

Дружба

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно, а на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем чёрная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво: ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-

нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы нарочно хлебца ему покрошим, каши, творожку от обеда. Только мало ему доставалось: всё, бывало, вороны поедят – это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, всё один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, он один остался; вороны – ему компания плохая. Видим мы, обижают серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. как его покормить, чтоб вороны не мешали?

День ото дня грач становился всё грустнее. Бывало, прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом; он уж еле дышит. Посадили мы его в ящик, к печке, попонкой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем, как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить: может он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

А грач, видно, смекнул, что мы ему добро сделали, значит, нечего людей бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В то время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы её ещё птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы – подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за ней. Однажды глядим – Сиротка на балкон прилетела, и грач тоже вместе с ней появился. Важно так по столу разгуливает. А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с мочёным хлебом. Сорока – прямо к чашке, и грач за ней. Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день начали на балкон вдвоём прилетать – кормится.

... Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой берёзовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнёзд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только наш грач не нашёл себе пары, по-прежнему всюду летал за сироткой. А под вечер сядут они возле дома на берёзку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно думаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.